

**«ЛЮДИ» М. М. ЗОЩЕНКО И «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ**

Работа представлена кафедрой русской литературы.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. А. Котельников

В статье обозначаются сюжетные и мотивные параллели повести М. М. Зощенко «Люди» и романа «Бедные люди» Ф. М. Достоевского. Основа сопоставления текстов – феномен страха. Зощенко не ограничивается заимствованием сюжетной основы одного произведения русского классика и делает смысловые составляющие поэтики его текстов основополагающей величиной для создания собственной модели мира.

Ключевые слова: мотив, страх, сюжет, болезнь, сумасшествие, модель мира.

The article is devoted to the parallels between M. Zoschenko's novel «The People» and F. Dostoevsky's novel «The Poor people». The subject for the comparison of plots and motives of these stories is the phenomenon of fear. The analysis results in the conclusion that Zoschenko created his own model of the world according to Dostoevsky's heritage.

Key words: motive, fear, plot, illness, madness, model of the world.

О соотношении «Сентиментальных повестей» М. М. Зощенко с рассказами Ф. М. Достоевского говорили многие исследователи, однако связь эта «сравнительно мало была отмечена критикой»¹, а специальное исследование подобного рода не проводилось. Нам представляется, что Зощенко не останавливается исключительно на обыгрывании в каждом новом сюжете также одного сюжета и основных мотивов одного произведения Достоевского, а взаимодействует со всем корпусом текстов раннего периода творчества классика, принципиально сосредотачивая внимание на мотиве страха. В данной статье мы не сможем детально проследить и всесторонне проанализировать все параллели между «Сентиментальными повестями» Зощенко и ранними произведениями Достоевского, поэтому подробнее отметим еще не изученные сходства повести «Люди» из цикла Зощенко и романа «Бедные люди» Достоевского², а также обозначим отношения с другими текстами Достоевского (с «Двойником», «Господином Прохарчиным» и «Слабым Сердцем») в связи с проблематикой страха.

«Люди» – первая повесть в цикле Зощенко, герой ее – Белокопытов Иван Иванович. Сюжет прост: молодой дворянин, увлекающийся либеральными идеями, поле смерти отца распродает имение, несколько лет живет за границей, а вернувшись в Россию, не может найти себе места, неудачно пытается устроиться в обществе, которого не знает уже, в итоге теряет жену и даже жизнь. История его становится трагедией одиночества в бездушном мире, тоской по прошлому и прощанием (по мнению некоторых, ироническим прощанием) с былой жизнью. Но с первых строк в тексте появляются знаки, сигнализирующие читателю о начале развертывания ключевой темы страха и отсылающие нас к контексту произведений Достоевского. Повествователь представляет всех действующих лиц, в том числе и некоего Петра Павловича, началь-

ника станции. Бросается в глаза особенность фамилии этого героя: Ситников, от «ситный» – хлеб, что вводит в повествование смысловой ряд, связывающий повесть как со всеми произведениями цикла, так и с рассказом Достоевского «Господин Прохарчин», где именно этот вид хлеба в целях экономии съедал на обед Семен Иванович, тайный миллионер³. Ситников у Зощенко не принимает активного участия в событиях, его фигура – знак, фамилия повторяется, заставляя акцентировать внимание на незначительном, казалось бы, персонаже в переломных моментах сюжета. Становится ясно: Зощенко возвращается к опыту своего великого предшественника, используя не только основные сюжетные нити его ранних творений, но и привлекая внимание читателя к отдельным словам, концептам. Интересно, что соперник Белокопытова сосед Яркин, разрушивший семейное счастье героя, является «заведующим первой государственной хлебопекарней» и регулярно предлагает супруге Белокопытова Нине Осиповне «кусоч хлеба» или «бутерброд с сыром»⁴. Заметим здесь же, что Яркину в повести отводится роль не только разрушителя и силы, олицетворяющей «животное», «здоровое» начало в человеке. Он вписывается в парадигму принципиально важных для писателя смыслов, где «хлеб» представляется более сложным и наполненным символом: одновременно жизни и смерти, мира не только «примитивного» и пугающего героя и автора, но и выводящего нас к основам мироздания, не заключенного в плоскости липкого и безнадежного ужаса советской эпохи и комплексов, укладывающихся в концепцию Фрейда. вопрос же о «зверинном» начале в человеке у Зощенко поднимался в исследовательской литературе не раз⁵, непосредственно репрезентирован он и в «Людах». Герой, в котором просыпается зверь, всегда испытывает чувство «животного» ужаса и страха, что сразу выводит нас на метафизический уровень и заставляет снова иначе оценивать и ситу-

ации, и персонажей, того же Яркина. С нашей точки зрения, его «бычачья шея», само слово-символ «бык», напрямую перекликается и рифмуется с фамилией фигурирующего в тексте «Бедных людей» Быкова, разрушившего счастье Макара Девушкина женитьбой на Вареньке.

Но мотив угрозы и в «Людах», и в «Бедных людях» переносится в смысловое поле, связанное с персонажем, на которого агрессия (в широком смысле) и была направлена, отчего агрессия становится «обратной». Женщина, нуждавшаяся в защите от потенциального захватчика и «животного», приносит в мир главных героев разрушение, изначально являясь созидающей силой. У Достоевского именно Варенька несет гибель Девушкину, уезжая и решившись на замужество. У Зощенко жена Белокопытова предает его и даже рождает ребенка от Яркина (мотив рождения ребенка от другого мужчины – важная особенность финала «Слабого сердца» Достоевского); вообще страх и последующее сумасшествие, в том числе и из-за женщин таких персонажей, как Голядкин, Шумков, отделяет их от мира остальных людей и жизни. Жена Белокопытова – актриса, что снова отсылает нас к тексту романа Достоевского. В письме от 7 июля Макар Девушкин рассказывает Вареньке историю, произошедшую с ним в молодости, как он «волочился» за одной актрисой (сам он объясняет это тем, что поддался общему настроению своих тогдашних товарищей, поголовно «модно» влюбленных в нее), задолжал всем, промотался и оставил затею вовсе. Первая «роковая женщина» Макара не погубила, а вот вторая, сама кроткая Варенька, довела начатое дело до конца.

Немало слов сказано было о литературности сюжета «Бедных людей» и важности как внешнего по отношению к тексту авторского, так и внутреннего диалога героя с произведениями Пушкина и Гоголя, о том, как Девушкин пытается найти себя в литературно-эпистолярной традиции. Что каса-

ется «литературы» в тексте Зощенко, то вспомним: Белокопытов пишет книгу «О революционных возможностях в России и на Кавказе». Однако это не «обретение слога», которое видели в «Бедных людях» исследователи Достоевского, поиски «слога» как героем, так и автором. Его занятие словно бы бесцельно («сначала мировая война, затем и революция сделали эту книгу ненужным, вздорным хламом»⁶). Он пишет как бы от скуки и даже механически, по привычке, которая в генах заложена в русском интеллигенте, но которая теперь оценивается со знаком не плюса, а минуса, потому как механичность, бесцельность обесценивают его труд и способности, его предназначение в высшем смысле (что терзало самого Зощенко). Белокопытова интересуется работа переводчика, напоминающая своей некоторой «несамостоятельностью» переписчика Васю Шумкова из «Слабого сердца». Герой «Людей» находится в ситуации, угрожавшей всем персонажам «Сентиментальных повестей»: по нему уже «хлопнули»⁷, его знания и навыки теперь никому не нужны, его испанский язык «упразднили» вместе со всей его жизнью⁸. Теперь Белокопытов становится своей тенью, двойником того себя, который жил и в России, и за границей, ощущая собственную значимость в мире, и который в этой новой жизни тоже должен быть человеком значимым и нужным.

По сути, с героем Зощенко происходит «голядкинское» раздвоение личности и даже случается «материализация» двойника. Причем «симптомы» деления в чем-то совпадают – герой уединяется в какой-то особый мир, начинает жить отъединенно от окружающих, формально оставаясь в рамках общества и в границах человеческого общения, поведение его странно и непонятно окружающим, основной характеристикой состояния становится «беспокойство», а все события начинают происходить словно бы не с героем, а с двойником. Страх входит в сознание Белокопытова медленно:

от «взволнованности» и «беспокойства» (он даже «согнулся» от тревоги⁹) к периоду, когда герой начинает испытывать «испуг» и «смертельную тоску»¹⁰. Кстати, именно слово «тоска» знаменует собой в текстах Зоценко и Достоевского предвестие финальной катастрофы и частично воплощает ужас, который переживают персонажи. В «Двойнике» тоска охватывает Голядкина от страха, что его узнают в карете, это чувство сопровождает мысли о том, что вместо него может существовать еще кто-то, «разительно схожий» с ним, тоску испытывает он в момент встречи с двойником. Слово «тоска» 24 раза встречается в тексте «Бедных людей», оно характеризует чувства обоих героев на разных этапах развития сюжета, очень значимо появление его в финале¹¹. В подобные моменты всех их что-то гонит на улицу, прочь из дому¹²: метания души переносятся во внешний мир, хаос внутренних противоречий выплескивается вовне, заставляя персонажей искать убежища от наступившего их несчастья где угодно (съёмные квартиры и комнаты не могут заменить дома настоящего, где можно обрести уверенность в миропорядке и в своих силах¹³).

Отчаянные поиски Белокопытовым работы ни к чему не приводят, именно в этот период сосед начинает искать благосклонности его жены, предлагать ей «хлеб» и чай. Чай в тексте «Бедных людей» Достоевского – особый символ. Макар Девушкин рассуждает о необходимости пить чай для «других». Чай с сахаром, сапоги – знаки причастности к жизни, к обществу, к людям. У Зоценко питье «чая» сопровождает еще и другой «жизненный символ» – хлеб, но, с нашей точки зрения, функции у этой пары сходны с теми, которыми нагружены у Достоевского «сапоги» и «чай». Герой Зоценко начинает медленно терять человеческий облик, в первую очередь дар слова. Вспомним, что Макар Девушкин, доведенный до отчаяния крайним положением вещей, пускается во все тяжкие («тут и всё пропадай, тут уж и падение!»¹⁴) и не пишет

Вареньке несколько дней, тоже отрекаясь от возможности посредством дара слова, логоса осуществить себя в мире¹⁵.

Усталость, болезнь, лихорадка – символы одного плана, характерные для всех терзаемых страхом героев как Зоценко, так и Достоевского. Мотив болезни в «Бедных людях», так или иначе, постоянно присутствует в тексте: болезнь уносит важных для нее людей – мать и Покровского, – что становится началом пути, приведшего к падению и ее, и Макара. Сосед Девушкина Горшков, сочувствие к которому проявляет Макар, – полуживой от болезни человек, функция его в тексте связана с мотивом двойничества и страха. Героиня романа также чахнет от неизвестного недуга. Белокопытов у Зоценко тоже и трясется в лихорадке, и ослабевают, по мнению окружающих, сходит с ума.

Финал повести Зоценко, как уже отмечалось, переключается с концовкой «Слабого сердца», но и с «Бедными людьми» тоже. Герой не испытывает ни злобы, ни ненависти к сопернику. Белокопытов, намеревавшийся сразиться с Ярким в смертельной схватке, просто уходит «с поля боя», изливая агрессию на дворовую собачонку. Девушкин о «сопернике» Быкове почти и не говорит, не сопротивляется решению Вареньки, собирает ее приданое, лишь в отчаянье продолжая писать разрывающие сердце жалостью письма, добровольно сдаваясь на милость обстоятельств. Герой Зоценко, как и персонажи Достоевского, после этого не может продолжать жить в описываемом мире. Белокопытов, возможно, садится на поезд (и шире – действительно садится на символический «поезд» – в небытие, смерть и сумасшествие), навсегда пропадает из поля зрения рассказчика и читателей. Страх больше нет явно, он снова прячется под покровом порядка мира Яркого, но продолжает существовать, ибо общее повествование всех «Сентиментальных повестей» не заканчивается и в следующих текстах автор снова обратиться к

проблематике страха, уже в этом «ярким» мире, и покажет его всеобщность и абсолютность, связав с контекстом мира страха Достоевского.

При анализе текста становится ясно: обращение Зощенко к наследию Достоевского не ограничивается лишь заимствованием сюжетной основы одного произведе-

ния, но отражает более глубокое взаимодействие идей автора 20 XX в. с различными идеями и сюжетами молодого Достоевского. Смысловые составляющие поэтики текстов классика Зощенко делает основополагающей величиной для создания собственной особой модели мира (в частности, на сюжетном уровне).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чудакова М. О. Избранные работы. Т. 1: Литература советского прошлого. М., 2001. С. 123; Синявский А. Мифы Михаила Зощенко // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский: Сборник. М.: Олимп - ППП, 1994. С. 238–254; Бескина А. Лицо и маска Михаила Зощенко // Литературный критик. 1935. № 1. С. 107–127; № 2. С. 60–80 и др.

² М. О. Чудакова отмечала: «Название повести «Люди» – возможная редукция названия повести Достоевского» (речь идет о романе «Бедные люди». – О. Н.) (Чудакова М. О. Указ соч. С. 123), однако более подробно анализом этих двух произведений исследователь не занималась, но говорила о необходимости подобных изысканий.

³ Заметим, что в «Господине Прохарчине» сосредоточились, по мнению большинства исследователей, все основные мотивы и идеи творчества Достоевского (Топоров В. Н. «Господин Прохарчин»: попытка истолкования // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 112–193), а посему подобную деталь у Зощенко нельзя считать случайностью.

⁴ Зощенко М. М. Люди // Сентиментальные повести. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 65, 70.

⁵ Кадаш Т. «Зверь» и «неживой человек» в мире раннего Зощенко // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 36.

⁶ Зощенко М. М. Указ. соч. С. 60.

⁷ Зощенко М. М. Страшная ночь // Избранные произведения: В 2 т. Т. 1: Рассказы и повести. Л.: Художественная литература, 1968. С. 137.

⁸ Как и в истории с учителем каллиграфии Кушаковым из «Страшной ночи», где тот играет роль искусителя-двойника главного героя, пугающего и вызывающего ужас героя, чем занимается также господин Зимовойкин в «Господине Прохарчине». Отметим, что у Макара Девушкина тоже есть своего рода искуситель – Емельян Ильич, бывший чиновник, «подбивший» Макара пойти к «офицеру», оскорбившему Вареньку, где героя спускают с лестницы, уничтожая его «амбицию».

⁹ Характерным признаком наступления сумасшествия Васи Шумкова из «Слабого сердца» становится наклон головы.

¹⁰ Зощенко М. М. Люди. С. 68, 69, 71.

¹¹ «Так не досадуйте на меня, Макар Алексеевич. Такая тоска! Ах, что это будет, друг мой, милый мой, добрый мой Макар Алексеевич! Я и заглянуть боюсь в мое будущее. Я все что-то предчувствую и точно в чаду в каком-то живу» (Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. Л.: Наука, 1988. Т. 2. С. 139) и т. д.

¹² Прохарчин исчезает на несколько дней, Голядкин мечется по Петербургу, не желая оставаться в квартире, Вася Шумков все время отлучается из дому, Девушкин, хоть и не по своей воле, бегаёт по модисткам и ювелирам.

¹³ Мотив «бездомности» и смежный с ним мотив «сиротства» (в широком смысле этого слова), несомненно, становится ведущим в подобных ситуациях в «Бедных людях» и связан с мотивом страха: Варенька становится носителем этой стихии. Кстати, у Зощенко Белокопытов тоже остается сиротой и последним в роду.

¹⁴ О его отношениях с Варенькой становится известно соседям (Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 112). Кстати, мотив боязни соседей характерен для Зощенко (его можно считать разновидностью «гостевой угрозы», по А. К. Жолковскому), и именно сосед Яркин представляет собой основную угрозу для существования Белокопытова в «Людях».

¹⁵ Заметим еще, что пожар, стихия огня и мирового пламени, так или иначе, воздействует на каждого героя Зощенко, как и на всех героев Достоевского. Мотив огня появляется в переломные

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

для сознания и жизни моменты в качестве свидетельства внезапного прозрения, предвестия гибели, а также в качестве демонстрации ненадежности мира, времени и пространства, в котором протекает жизнь литературных персонажей. Мотив этот Зошенко заимствует у Достоевского. В текстах последнего не всегда присутствуют «огненные» метафоры непосредственно, однако общую атмосферу разгоряченного ума и слабости (наступающей в процессе болезни, как правило, после серьезного кризиса), царящую в каждом раннем его произведении никак нельзя назвать нейтральной. Можно говорить об огне символическом, сжигающем его персонажей изнутри, что, в частности, отсылает нас к тексту «Господина Прохарчина» (где, кстати, реальный пожар происходит и играет важную роль в разворачивании сюжета «страха»), «Слабого сердца» (тема «разгоряченного ума» от слабости сердца передается Достоевским и с помощью слов, характеризующих состояние реально задыхающегося от душья человека), «Двойника» и даже «Неточки Незвановой». В «Бедных людях» этот момент не явно, но тоже есть. Встреча Макара Девушкина с нищим мальчиком, когда «уж смерклось совсем и газ *зажигать* стали», производит на героя глубокое впечатление. Причем происходит это событие, когда, кажется, дела после «падения» у Девушкина начинают налаживаться («его превосходительство» проявляет к герою сочувствие и помогает), непосредственно перед трагической развязкой. Белокопытова, замкнутого, напуганного и опускающегося, неожиданно устраивает на работу к себе случайно встретившийся приятель, что дает герою Зошенко надежду на лучшее будущее и даже некоторую стабильность. Однако именно тут его и настигает неожиданный удар: его ловят на краже двух фунтов «стеариновых свечей» и куска мыла. Свеча – символ, в данной ситуации относящийся к сфере огненных знаков в художественном произведении, связанный с мотивом страха. После этого герой оправиться уже не может и медленно угасает.